

прощения в своем неверии. Потом взяли мощи Глеба, уже заблаговременно положенные в каменную раку, и на санях веревками поволокли гробницу в новую церковь; здесь, в дверях, рака застряла, обнаружив явное нежелание Глеба «войти» в построенный Изяславом храм, но ее все же ввезли. И тут целовали главу Бориса, а рукой Глеба митрополит благословил Изяслава и Всеволода; Святослав же задержал руку, усиленно прикладывая ее к «вереду» на своей шее, глазам и темени. Потом на литургии Святослав сказал своему дружиннику варягу Берну, что ему что-то царапает голову («нечто мя на голове бодеть»), тот снял княжеский клобук и обнаружил в волосах ноготь Глеба и отдал его князю. Святослав увидел в этом «благодарение» святых князей. Рассказ заключается описанием праздника и сообщением об установлении нового праздника 20 мая. Так, рассказ о пресловутом ногте Глеба получил в «Сказании» вполне рациональное и даже несколько ироническое истолкование. Собственно ничего особенного в нем не было, просто Святослав слишком усердно пользовал свой «веред» и главу мертвой рукой — вот от нее и отпал ноготь. Полагаем, что эта переработка связана с последующим изложением, где, как увидим, отмечено, что Святослав не успел достроить каменную церковь святых князей в Вышгороде, в чем автор «Сказания», видимо, усматривал безучастное отношение Бориса и Глеба к предприятию Святослава, — не помог и ноготь; значит, в том, что он застрял в волосах Святослава, никакой благодати и не было.

Основное внимание рассмотренного рассказа «Сказания» к мощам Глеба подтверждает мысль, что построенный Изяславом храм и был посвящен Глебу, которого заблаговременно переложили в каменный гроб, и, возможно, у Изяслава были планы поделить останки князей, сделав своим патроном именно Глеба.

Последующий рассказ о чуде с хромым и немой, сходный по содержанию в обоих произведениях и изложенный в обычном для «Чтения» бесстрастным стиле с безымянными действующими лицами, подвергнут в «Сказании» внимательной литературной обработке.⁹⁰ Это чудо занимает особое место в ряду других исцелений — его объект не «муж» и не сын градника, но убогий нищий, у которого была по какой-то причине «утята», т. е. отсечена нога, и он ходил на подвязанной деревяшке; к тому же он был нем. Можно думать, что он явился жертвой какой-то кровавой кары. Вспомним, что в 1069 г. Мстислав ослепил часть восставших киевлян, освободивших Всеслава из тюрьмы. В 1053 г. новгородский епископ Лука Жидята казнил за донос своего холопа Дудика, «урезав» ему губы и нос и отрубив обе руки. Членовредительные наказания были необычны на Руси, но широко практиковались в Византии.⁹¹ Столетием позже митрополит-грек Константин подверг владимирского епископа Федора зверской казни: «повеле ему язык урезати... и руку правую утяти, и очи ему выняти».⁹² Не было ли подобной расправы и с киевскими мятежниками в 1069 г.?

Так это или нет, но немой хромец среди других нищих сидел у церкви Бориса и Глеба и просил подавания. И вот однажды у богатого вышгородца, старейшины огородников (горододельцев) Ждана, носившего христианское имя Николы, был праздник, какой он справлял святому Николе каждый год. Мы не знаем, был ли это день именин старейшины или «братчина Никольщина», устроенная членами его корпорации. На этот пир устремились и нищие и среди них немой хромец. Но он напрасно сидел у дома

⁹⁰ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 22—23, 56—58.

⁹¹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 492.

⁹² Лаврентьевская летопись под 1169 г.